

НЕСМОТЯ на то, что Кировскому тюзю более сорока лет, на гастроли в Москву он приехал впервые. Если исходить из его почтенного возраста, то мы вправе ожидать, что перед нами театр с большими традициями, с многолетним опытом, с идеями, которые вынашивались, развивались и утверждались десятилетиями.

Но это не совсем так. Перед нами молодая труппа, которая родилась всего четыре года назад. С приходом нового главного режиссера А. Бородина и очередного — Е. Долгиной в старых стенах Кировского тюза началась новая жизнь.

Когда молодежный театр создается на основе одного курса или студии, мы верим в его успех, — принято считать, что только люди одной школы могут быть единомышленниками. Нынешняя труппа кировчан формировалась «с бору по сосенке», — как большинство периферийных театров. Пришли актеры из разных институтов и студий, с разных концов страны, с разной школой и профессиональным уровнем подготовки. Но режиссеры, для которых Кировский тюз был первым «своим» театром, взялись работать без скидок на все эти обстоятельства.

С первого спектакля «Двадцать лет спустя» М. Светлова (режиссер А. Бородин) молодой коллектив заявил о своем художественном кредо: искренность, строгая требовательность к себе и вера в высокие идеалы — вот о чем нужно говорить с нынешним юным поколением. Мне кажется, именно поэтому выбор светловской пьесы не был делом случая. Само умонастроение светловских героев с их жизнелюбием, светлой верой в будущее, в те идеалы, которые стали знаменем поколения, как нельзя лучше соответствовало психологическому состоянию труппы. Не случайно спектакль получился, имел успех и вселил в коллектив уверенность.

И на гастролях в Москве спектакль «Двадцать лет спустя» прозвучал как страстный, заинтересованный диалог с требовательным столичным зрителем. Театр дал как бы фотографический снимок юного поколения революции. Но не тот, пожелтевший, блеклый от времени, а скорее, современный слайд, с яркими красками и четкими контурами. Может быть, это ощущение возникает благодаря оформлению художника С. Бенедиктова, который символически решил образ спектакля, соединив цвета революционных будней, — потертой красноармейской шинели и пролитой в боях крови.

Вообще интерес к теме гражданского становления юношества характерен для всех молодежных театров. В Кировском тюзе привлекает внимание постоянство и последовательность поисков в этом направлении, стремление показать в героях разных времен те человеческие качества, которые помогают зрителям стать выше, нравственно сильнее. Этим и объясняется создание трилогии, в которую, кроме «Двадцати лет спустя», вошли «Письма к другу» А. Лиханова и И. Шура и «Молодая

гвардия» А. Алексина по роману А. Фадеева.

Из трех названных спектаклей на гастролях в Москве были показаны первые два. «Письма к другу» продолжили разговор, начатый светловскими героями. Подлинная переписка Николая Островского и Петра Новикова дала повод театру раскрыть драму человека, ведущего беспощадную борьбу духа с умирающим телом.

...В течение двух часов на одном дыхании идет исповедь сына нашего века. В центре сцены стоит актер В. Рулла, исполняющий роль Николая. Он неподвижен на протяжении

кого, зрелищного характера, где открывается возможность импровизаций, прямого контакта со зрительным залом.

У Кировского тюза на этом пути немало достижений. Их «Три толстяка» (режиссер А. Бородин) напоминают веселый карнавал сказочных персонажей, который идет не только на сцене, но и в зале. Остроумно и красочно построены декорации: они вроде детского манежа, детали которого по ходу действия образуют, словно по мановению волшебной палочки, самые разнообразные предметы.

Принцип построения друго-

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

НА ВЕРНОМ ПУТИ

всего спектакля. Режиссер А. Бородин так символизирует последние мучительные годы жизни Островского. И в то же время как бы создает сценический памятник мужеству писателя — человека и гражданина. Театр размышляет вслух об источниках нравственной силы, о честном, бескомпромиссном отношении к жизни. На современном материале об этом говорится и в спектаклях «Обман» А. Лиханова и «Путешественник» Р. Ибрагимбекова.

Режиссура А. Бородина отличается четкостью мысли, твердостью рисунка спектакля, ясным и открыто публицистичным видением жизни и ее проблем. В его работах нет места случайностям, «лирическим отступлениям», актерской «самодеятельности». И тут необходимо заметить, что жесткость его режиссерских построений не всегда под силу труппе. Исполнителям порой не хватает мастерства, профессионального опыта, иногда чувствуется скованность.

Мы говорили о приверженности Кировского театра к своей теме. Но верность теме отнюдь не ограждает театр от опасности однообразия. Кировчане понимают это и ищут, пробуют силы в самых различных сценических жанрах. Мне довелось видеть их поэтический «Бумбараш». Графически четким, аскетически суровым исследованием духовных связей учителя с учеником был спектакль «Жизнь Галилея». К сожалению, этих интересных работ нет на гастрольной афише. Зато много других, которые убеждают, что Кировский тюз, обретший веру в себя, — театр живой, неутомимый в познании главного, в поисках своего лица. Судя по гастрольному репертуару, куда вошли и такие произведения, как «Три толстяка» Ю. Олеши, «Сказка о царе Салтане» А. Пушкина, «Тили-тили-тесто» Р. Каца, «Пеппи Длинныйчулок» А. Линдгрена, мы можем говорить об активном освоении кировчанами игровой стихии театра.

Конечно, в этом отношении они не исключение. Последние годы большинство тюзов страны увлечено постановками яр-

го детского спектакля — «Сказки о царе Салтане» — сродни правилам детской игры, где главное условие — увлеченность играющих, договаривающихся, какой предмет что обозначает. Таким образом режиссер Е. Долгина выявляет необыкновенное через обыкновенное, обнаруживает новый смысл в привычных вещах и обыденных понятиях.

Условность и достоверность этого спектакля одушевлены красками знаменитой дымковской игрушки, старинными народными песнями, древними свадебными обрядами вятской земли. Как у дымковских барышень, на щеках пушкинских героев — по алому пятну — символ жизнерадостности. В их характерах, осанке, повадках — основательность, насмешливость, душевная открытость.

Будь то русская сказка, или современная сказка шведской писательницы об удивительной девочке Пеппи, или иронически-лирическая история про дружбу Генки и Наташи («Тили-тили-тесто») — повсюду Е. Долгина привносит на сцену и утверждает детскую непосредственность восприятия, щедрую радость жизни, яркий, увлекательный мир фантазии.

Наблюдая за Кировским тюзом последние годы, я видела, как от спектакля к спектаклю открывались по-новому такие актеры, как Т. Томашевская, В. Казаковцева, В. Колесников, Л. Ленц, В. Рулла, В. Цымбал и другие. В их игре подкупают актерская самоотверженность, искренность, увлеченность театром. Разумеется, такое отношение актеров к делу своей жизни не может оставить зрителя равнодушным.

Кировчане сегодня в атмосфере настоящего энтузиазма. И это естественно. Идет процесс освоения, процесс накопления сил. Идет поиск своего «я». Думается, в разговоре о гастролях кировчан главным будет отметить не столько результаты, сколько художественные и гражданские устремления этого молодого коллектива. Главное, что театр на верном пути и способен многое сделать.

Н. СОРОКИНА,

5 OCT 1977

СОВЕТСКИЙ ПОЛИГРАФ
Г. МОСКВА